

ЛАО ШЭ — ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ НЕ ОТНЯТЬ...

ВОСЕМЬ ЛЕТ назад, в осенние дни 1966 года, после очередного налета хунвэйбинов, не выдержав издевательств и истязаний, ушел из жизни Лао Шэ — выдающийся китайский писатель, пламенный патриот своей родины, народный депутат и почетный гражданин города Пекина...

Эта тягостная весть причинила мне жгучую боль. Ведь нас с ним соединяли узы глубокой привязанности, общих интересов, хотя видеться с Лао Шэ мне довелось не так уж часто.

Тонкий знаток истории и литературы, культуры и искусства, нравов и обычаев своего народа, Лао Шэ был к тому же превосходным рассказчиком, любившим пошутить, посмеяться. Серьезное в разговоре он неизменно сочетал с присущим ему юмором. Сердца слушателей Лао Шэ завоевывал и мастерством рассказчика, и огромным личным обаянием, и своей откровенностью и прямоотой.

Наше знакомство состоялось в 1957 году, когда в составе делегации китайских трудящихся он приехал в СССР на празднование 40-й годовщины Октября. В мае 1959 года состоялся III съезд писателей СССР, на котором присутствовал и Лао Шэ. В течение двух недель мы ежедневно подолгу беседовали с ним. Лао Шэ восхищали творческий дух, царивший на заседаниях съезда, единство и целеустремленность советских писателей, отдающих все свои силы, весь свой талант делу партии и народа. Лао Шэ любил нашу страну и был верным другом советских людей.

Осенью того же 1959 года мы встретились в Пекине. Тогда мне довелось ближе узнать некоторые личные качества Лао Шэ. Например, его неистощимую любовь ко всему прекрасному, живому. Это проявлялось в любой детали. Он выращивал, например, в своей домашней теплице хризантемы, подыскивая для выведенных им сортов разные нежные названия.

Лао Шэ с гордостью говорил о народном Китае, осведомившемся от многовекового рабства, о его успехах на пути строительства новой жизни, о бескорыстной помощи Советского Союза и других братских стран. И какой гнев, какое негодование звучали в его словах, когда речь заходила о делах поджигателей войны! Вспоминая о пребывании в США, он рассказывал, как не раз подвергался издевательствам со стороны американских расистов.

И о чем бы мы ни беседовали, наши разговоры всегда заканчивались литературой. «Теперь каждый китайский писатель, — говорил Лао Шэ, — знает, что должен трудиться, не жалея сил, и до конца выполнить свой долг служения народу — создавать подлинно художественные произведения, обладающие большой силой эмоционального воздействия на читателей». «Художественное творчество, — размышлял Лао Шэ, — имеет свои законы. И если художественную литературу подменить политическими лозунгами, то ее, разумеется, читать никто не станет». Уже тогда Лао Шэ осуждал порочные методы, как он говорил, «некоторых руководящих работников» в Китае, которые допускают грубое адми-

нистративное вмешательство в творчество деятелей культуры и искусства.

Тонкий знаток китайской старины и классической литературы, Лао Шэ всегда подчеркивал необходимость бережного отношения к культурному наследию, призывал творчески осваивать его. «Нам надо изучать это наследие, — говорил он, — не только для того, чтобы овладеть формой классиков. Мы должны также научиться тому, как выходить за пределы этой формы в соответствии с требованиями действительности. Новая литература должна создать свою форму — простую, прозрачную, действительную». Не менее глубоко, чем китайскую, Лао Шэ знал и ценил зарубежную классику — английскую, французскую и русскую.

За четыре десятилетия напряженного творческого труда Лао Шэ — сатирик, беспощадный обличитель мецанства, всего мрачного и косного, певец трудового народа, борец за свободный Китай — создал много ярких художественных образов. Творчество его отличалось углубленными психологическими характеристиками героев, отточенным языком произведений, богатым и ярким юмором. С огромным мастерством Лао Шэ выступал в разных жанрах литературы — будь то роман «Рикша», сатирическая повесть-фантазия «Записки о Кошачьем городе», пьеса «Лунсуйгоу», рассказ «Серп луны», комические диалоги «сяншэн» или публицистические статьи. В 50-е годы Лао Шэ, единственному из литераторов Китая, было присвоено почетное звание народного писателя КНР. Много времени, сил и энергии он отдавал воспитанию молодых китайских литераторов, повышению их художественного мастерства.

В последний раз я видел Лао Шэ 6 февраля 1966 года, по сути дела, в самый канун так называемой «культурной революции». Мы беседовали у него дома больше часа. Лао Шэ очень обрадовался, когда я преподнес ему в подарок незадолго до того изданную в Москве книгу «Последняя монета», в которую вошли переводы на русский язык некоторых его юмористических рассказов разных лет. При расставании Лао Шэ подарил мне изумительной работы старинную чашку из китайского фарфора — тонкого, как яичная скорлупа. Сказанные им при этом слова: «Думаю, что у вас эта вещь сохранится лучше» — оказались вещими и приобрели особый смысл через полгода, когда в Москву дошла печальная весть...

Перечитывая произведения Лао Шэ, которые теперь полностью запрещены у него на родине, вспоминая о встречах с ним, еще острее чувствуешь, какое огромное духовное богатство отнимают у китайского народа пекинские руководители.

Восемь лет назад Лао Шэ не стало... Но, как у каждого великого художника, у него две жизни. Одну, у него отняли хунвэйбины, разгромившие дом, оранжерею и уничтожившие богатейшую личную библиотеку писателя. Другой его жизни не отнять никому и никогда — она в его замечательных книгах и делах, которыми жить вечно.

Марк ШНЕЙДЕР